

Соотношение трансрегионализации и глобализации в мировой политике

Д.А. Кузнецов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Исследование трансрегионализма принадлежит к числу наиболее актуальных направлений международно-политического анализа. Трансрегионализация стала объективной реальностью мировой политики: государства и региональные объединения используют трансрегиональные форматы взаимодействия для реализации собственных и коллективных интересов; трансрегиональный уровень формирует собственную систему взаимосвязей, увязывая функциональные интересы широчайшего круга включённых акторов с географическими характеристиками регионов. При этом особенно в период активизации противоположных мегатрендам современности процессов – изоляционизма и дезинтеграции, встаёт теоретическая проблема соотношения трансрегионализма и глобализации: если эти процессы однонаправленные, то трансрегионализм можно рассматривать как этап глобализации, если же они противоречат другу, то трансрегионализация способствует формированию новых разделительных линий.

В статье на основе эмпирического опыта выделены кооперационный и конкурентный типы трансрегионализма. Автор утверждает, что усиление в процессе трансрегионализма функциональных связей даёт основание рассматривать трансрегионализм как адаптивный вариант глобализации «по интересам» и «по возможностям». Данный феномен стал возможен в результате содействия мегатрендов – глобализации, интеграции и демократизации, одновременно способствуя их усилению. Интенсификация межрегиональных связей приводит к углублению глобализации, распространению интеграции на более высоких уровнях международного взаимодействия, повышению активности государств и негосударственных акторов в глобальном управлении, то есть к углублению демократизации мировой политики. В настоящее время продолжается формирование масштабных трансрегиональных объединений разной степени конвергенции, опирающихся на собственные политико-институциональные и социально-экономические модели развития и сотрудничества, а всё усложняющаяся трансрегиональная архитектура мира фактически приводит к полицентризации международной системы.

Ключевые слова: трансрегионализм, регионализация, глобализация, изоляционизм, мировая политика, мегатренды

УДК 327

Поступила в редакцию: 30.01.2021

Принята к публикации: 15.09.2021

На фоне продолжающихся трансформаций современной системы международных отношений и политической организации мира, которые посредством своего структурного влияния приводят и к нарастанию нестабильности на уровне национальных государств, дискуссии о глобализации и её контртренде – изоляционализме (деглобализации) – не только не утихают, но и приобретают новые смыслы. В периоды обострения экзогенных по отношению к международно-политическим отношениям вызовов – таких, как глобальный экономический кризис, новые, гибридные виды противоборства, пандемии и прочих, схожих по масштабам своего влияния на мировую политику – усиливается и сложное соотношение глобализации и изоляционизма, оказывающее глубокое воздействие на неконсолидированную систему международных отношений.

Одной из тенденций, которая зародилась в начале XXI в. и продолжает развиваться в настоящее время, выступает трансрегионализация – формирование крупных международных межрегиональных, в той или иной мере институционализированных, кластеров, втягивающих в орбиту взаимодействий как отдельные государства, так и региональные объединения. Углубление межрегиональных связей по линиям ЕС – АСЕАН, ЕС – Меркосур, ЕАЭС – АСЕАН, продвижение администрацией Барака Обамы проектов Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (ТТИП) – впрочем, как и обещание Джо Байдена вернуться к ним в своей внешней политике, развитие инициативы «БРИКС-плюс», выдвижение масштабных инициатив «Пояса и пути» и «Индо-Пацифики» свидетельствуют о новом характере трансрегиональных взаимодействий в нынешнем веке (Börzel, Risse 2016).

С одной стороны, глобализация, понимаемая как укрепление взаимосвязанности и взаимозависимости мира в результате наращивания транснациональных потоков, стала средой, сформировавшей саму возможность умножения и углубления трансрегионализма. С другой стороны, воздействие трансрегионализма на глобализацию представляется далеко неоднозначным.

В самом деле, усиление мегатрендов глобализации, интеграции и демократизации (Лебедева 2019) способствовало появлению трансрегионализма: именно они сформировали благоприятную для его зарождения среду. Во-первых, в результате глобализации на фоне расширения транснациональных потоков, развития логистики и новых технологий трансрегиональные связи получили физические условия для развития данного феномена. Во-вторых, распространение и плюрализация интеграционных практик сформировали конструктивный опыт международного институционализованного взаимодействия в различных областях с подключением к ним негосударственных акторов, что оказывало демонстрационный эффект в различных региональных подсистемах мира. В-третьих, демократизация мировой политики укрепила практику институционализации переговорных площадок и породила для малых и средних

государств саму возможность относительно равноправного участия в глобальном управлении. В таком контексте и в условиях данной среды появление и распространение трансрегиональных практик должно было стать делом времени (Лебедева, Кузнецов 2019: 73). Вместе с тем, если зарождение трансрегионализма пришлось на период усиления глобализации, то его активное распространение происходит в последние годы параллельно с нарастанием дискурса об откате от глобализации. Цель настоящей статьи – показать, каким образом трансрегионализм воздействует на глобализацию, и к каким потенциальным последствиям может привести его развитие. Данная цель может быть достигнута через вскрытие новейших тенденций, связанных с развитием трансрегионализма, проиллюстрированных на отдельных кейсах, а также попытку их соотнесения с глобализацией.

Отсутствие консенсуса по поводу соотношения трансрегионализма с глобализацией свидетельствует о новом этапе дискуссии о совпадающей или разновекторной направленности глобализации и регионализации, которая возникла на рубеже XX и XXI вв. (Voskressenski 2017). Представляется, что это связано с новизной самого феномена, не дающего пока достаточного эмпирического материала.

Для ответа на вопрос о соотношении глобализации и трансрегионализации необходимо отметить несколько важных особенностей, связанных с развитием трансрегионализма на современном этапе.

Во-первых, трансрегионализм продолжает существовать преимущественно в форме «проектов» и «инициатив», что свидетельствует как о сложности согласования консенсусных моделей кооперации, так и об осторожном подходе государств к участию в формировании столь масштабных общих пространств.

Во-вторых, трансрегионализм остаётся эффективным инструментом внешней политики государств и региональных объединений, позволяя им обеспечивать свои глобальные интересы, преодолевать региональные ограничители роста, находить своё место в международном разделении труда и мировой экономике в целом, гарантировать им большую активность в глобальном управлении. С одной стороны, это позволяет сделать вывод о том, что трансрегионализм является скорее «конструктом», новой формой кооперации, продвигаемой глобальными, региональными и субрегиональными лидерами. С другой стороны, увеличение числа трансрегиональных объединений и появление новых проектов может свидетельствовать о трансрегионализации как тенденции, которая через «демонстрационный эффект» захватывает новые регионы.

В целом, несмотря на относительно новую природу рассматриваемого феномена, можно говорить о нескольких этапах его становления. На первом этапе (последняя четверть XX столетия) подобный формат взаимодействий начинает отрабатываться. Прежде всего, это относится к опыту сотрудничества в рамках «Большой семёрки». Однако в условиях хозяйственно-экономической и острой политико-идеологической разобщённости мира о данной Группе можно

говорить лишь как о квазитрансрегиональной (Rajasree 2015). На втором этапе, который начинается с бурным ростом глобализации, происходит активизация межрегиональных связей и трансрегиональных ассоциаций. Межрегиональные связи (ЕС – Меркосур, ЕС – АСЕАН) усиливаются в процессе становления глобальной триады мировой экономики (Roloff 2001), а соответственно и в связи с попытками центров этой триады усилить своё присутствие в периферийных регионах мира. Трансрегиональные ассоциации, форумы, клубы консолидируются по функциональному принципу различного видения треков мирового политического и экономического развития в условиях усиления транснационализации и необходимости для влиятельных государств (как великих, так и региональных и «срединных» держав) вписываться в новую архитектуру (ИБСА, БРИКС, МИКТА). Наконец, на третьем этапе происходит становление наиболее сложного, сетевого по своей природе типа трансрегиональных связей, отражённого в проектах ТТП, ТТИП, «Большой Евразии», «БРИКС-плюс», «Пояса и пути» и «Индо-Пацифики», которые втягивают в себя как отдельные государства, так и интеграционные блоки и группы государств из разных региональных подсистем. Именно на данном этапе – этапе современных международных отношений – происходит признание потенциальной эффективности трансрегионализма как инструмента внешней политики и его активное внедрение во внешнеполитические стратегии влиятельных государств. В результате наслоений трансрегиональной мозаики была запущена и конкуренция проектов.

Ранее экономисты Ричард Балдвин и Дэни Хаймович отмечали, что регионализм столкнулся с «эффектом домино» (Baldwin 2008), приведшим к его повсеместному распространению, причём качество распространяющихся региональных практик (то есть углубление интеграции) уступало количеству вновь и вновь заключаемых соглашений (чаще всего не преодолевающих стандартов зон свободной торговли). Подобная логика развития в настоящее время характерна для трансрегионализации. Ещё сильнее выраженный эффект домино возникает тогда, когда потенциальный конкурент или противник формирует собственную (транс)региональную систему (чем, например, обуславливается противостояние структурообразующих государств АТР – США, Китая, Индии и Японии) в продвигаемых ими трансрегиональных проектах (Тзо 2016).

В-третьих, развитие трансрегионализма на современном этапе позволяет исследователям перейти к уточнению понятийного аппарата за счёт дифференциации феномена и отличать понятия «трансрегионализация» и «трансрегионализм». Аналогично понятиям «регионализация» и «регионализм», под первым понимается объективный процесс роста взаимозависимости и увеличение потоков различного типа между региональными подсистемами в рамках глобальной системы международных отношений; под вторым – целенаправленная политика государств (прежде всего, крупных международных игроков, включая великие и региональные державы), направленная на регионостроительство функционального характера на трансрегиональном уровне. Если первый про-

цесс протекает преимущественно произвольно, будучи обусловленным средой глобализации, усилением технологических связей и совершенствованием логистических цепочек, то второй термин отражает растущий интерес влиятельных мировых игроков к усилению своей глобальной роли, преодолению региональных ограничителей роста и влияния, а также решению внутренних проблем через использование инструмента трансрегионального сотрудничества (Кузнецов 2020). Проекция национальных интересов крупных международных игроков на масштабные политические пространства может приводить – и уже приводит – к конкуренции проектов будущего мироустройства и моделей экономической интеграции.

Ещё одна важная особенность, которая вытекает из вышесказанного, заключается в том, что в трансрегионализме обнаруживается диалектика его природы, носящей двоякий характер: 1) *кооперационный*, если речь идёт о формировании объединений, нацеленных на расширение, интеграцию, конструктивное взаимодействие с другими ассоциациями преимущественно на основе совпадающих интересов, и 2) *конкурентный*, который рождается из-за столкновения интересов трансрегиональных объединений, способных вызвать конфликты и сформировать новые линии размежевания в мировой политике, или развивается по причине столкновения альтернативных, неспособных к конвергенции трансрегиональных моделей (политических, экономических и других) в контексте конкуренции за главенствующую модель глобального управления.

Кроме того, наряду с уже указанными типами, в настоящее время возможно формирование «перекрёстного трансрегионализма» (Mattheis, Litsegård 2018), когда одно или несколько государств одновременно становятся участниками различных трансрегиональных инициатив или переговоров (например, Бразилия в БРИКС и ИБСА или страны НАФТА в переговорах о ТТП и проекте Индо-Пацифики; экономист Борис Хейфец называет такие государства «страны-мосты» (Хейфец 2016)). В литературе о региональных объединениях такая усложняющаяся конфигурация получила название «миски спагетти» (*spaghetti bowl* (Majluf 2004)), подобная ситуация наблюдается и с наложением трансрегиональных объединений, что, как показывает практика, становится возможным не только в кооперационных форматах трансрегионализма, но и в конкурентных. Особенно ярко перекрёстный трансрегионализм проявляет себя в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где «пересекаются» многие региональные и трансрегиональные объединения и проекты, а сам макрорегион в растущей степени характеризуется конкуренцией, новым балансом сил, стимулируемым борьбой ключевых государств АТР за лидерство в процессе регионостроительства (Братерский 2016).

Особую остроту конкуренция трансрегиональных проектов приобретает в Евразии и особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Президентство Барака Обамы ознаменовалось зарождением и активным продвижением двух масштабных инициатив на стратегически важных для США направлениях – в

АТР и в Северной Атлантике. Первая получила наименование «Транстихоокеанское партнёрство» (ТТП) и втягивала в орбиту взаимодействия не только традиционных партнёров по НАФТА (ныне USMCA) – Канаду и Мексику, не только традиционных союзников США (Японию, Австралию, Новую Зеландию), но и часть государств Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Для последних американский проект означал доступ на крупные рынки и к новым технологиям, а сверх того упорядочивание сложившейся сети двусторонних зон свободной торговли в регионе (Voskressenski, Koller 2019). Вторая инициатива – «Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство» (ТТИП) – это попытка установить новую смычку между США и Европейским союзом через создание зоны свободной торговли. Посредством обоих проектов США стремились обеспечить себе геэкономические выгоды как через усиление западоцентричных моделей интеграции, так и благодаря углублению, в основном по американским правилам, сотрудничества с традиционными партнёрами. Легче переговоры продвигались в ТТП (соглашение было подписано в 2013 г.), сложнее – с Евросоюзом, который, сознавая серьёзность потенциальных угроз, тормозил обсуждение финального текста соглашения (Hamilton 2014). Вместе с повышением интеграционной активности данные проекты приводили к появлению новых разделительных линий, в большей степени в АТР. Потенциальный ущерб от ТТП своим экономическим и политическим интересам в регионе усмотрел не только Китай (Sangeeta 2015), но и другие государства, которые традиционно выступали за реализацию глобальных торговых инициатив и опасались размывания международного торгового режима, опирающегося на деятельность Всемирной торговой организации (ВТО)¹. Действительно, проекты ТТП и ТТИП были нацелены на создание «нового золотого стандарта» мировой торговли на принципах ВТО+ (дальнейшее углубление интеграции, снижение тарифных и нетарифных барьеров) и ВТО-Экстра (включение в регулирование сфер, не охваченных ВТО, таких как интеллектуальная собственность, права занятых, новые санитарные нормы и пр.) (Mattheis, Litsegård 2018). Слова Б. Обамы о том, что таким образом создаются правила игры, по которым должны играть все остальные экономики, по сути, подчёркивали это намерение².

Успехи в реализации проекта ТТП побудили Китай разработать собственный проект «стягивания» Евразии - инициативу «Пояса и пути» (или «Один пояс – один путь»). Данная инициатива позиционировалась как гибкая, открытая и инклюзивная интеграция, опирающаяся не на жёсткое юридическое

¹ Лавров С.В. Американский проект ТТП может обесценить принципы ВТО. *PIA Новостям*. 20.05.2015. URL: <https://ria.ru/20150520/1065498830.html> (дата обращения: 17.10.2021).

² Obama B. The TPP Would Let America, not China, Lead the Way on Global Trade. *The Washington Post*. 02.05.2016. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html (accessed 17.10.2021)

регулирование наднационального характера, а на взаимовыгодное сетевое партнёрство для упорядочивания торговых потоков, строительства новой инфраструктуры, обеспечении логистических цепочек и т.д. (Киреева 2018: 71). Такое видение «соразвития» огромного евразийского пространства выглядело привлекательнее для государств континента, прежде всего, для развивающихся стран. Кроме того, идея гибкого, в том числе и юридически, открытого к «сотворчеству» проекта создала возможности для подключения к нему государств Европы, Африки и Латинской Америки (Лузянин, Афонасьева 2017). И хотя данный проект не смог (и объективно не мог) завоевать поддержки всех евразийских государств (в стороне остались, например, Индия и Япония), он превратился в один из самых масштабных и перспективных в истории. Китайская инициатива предлагала взаимовыгодные партнёрства в дву- и многостороннем формате, и вместе с тем соответствовала ключевым внешнеполитическим задачам самой Китайской Народной Республики: становление в качестве одного из лидеров мирового развития, обеспечение собственной «мягкой силы», безопасности и эффективности торговых путей, усиление на море (строительство и увеличение мощностей портов), развитие собственных малоразвитых территорий. Неслучайно инициатива «Пояса и пути» стала интегрированной частью внешнеполитической стратегии Коммунистической партии Китая.

Кроме того, «Пояс и путь» стал платформой для проработки других сопряжённых проектов. Речь идёт не только об идее сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «Пояса и пути», но и о российском видении «Большой Евразии» – кооперационного формата интеграции евразийского пространства, основанного на сложном сетевом взаимодействии государств и региональных интеграционных объединений (Королёв, Шумкова 2018).

Торможение ТТП из-за изоляционистской политики Дональда Трампа на фоне успехов в продвижении «Пояса и пути» создало определённый вакуум влияния в АТР: с одной стороны, усилилось влияние Китая, особенно на его старых партнёров, с другой – наблюдалось ослабление позиций США, оставивших своих партнёров без институциональной поддержки. Возвышение Китая привело к выдвижению инициативы «Индо-Пацифика», одной из ипостасей которого является «Четвёрка индо-тихоокеанских демократий» (Quad – США, Индия, Япония и Австралия), имеющей потенциал стать осью нового объединения, основанного на политико-экономическом развитии свободного рыночного типа (Воскресенский 2018) и нацеленного на сдерживание Китая. Различные государства региона по-разному видят будущее «Индо-Пацифики». Конкуренция за конструирование нового региона обусловлена несовместимостью китаецентричного «Пояса и пути», асеаноцентричных проектов, семантической игрой США (фактический отказ Д. Трампа от использования термина «Азиатско-тихоокеанский регион» взамен «Индо-Пацифики»), а также балансирующим видением региона со стороны Японии и более эксклюзивными проектами Индии.

В ноябре 2020 г. в Азии было заключено соглашение о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли – Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), охватывающего более 2 млрд потребителей, с объёмом ВВП, равным 32% общемирового³. Несмотря на то, что данное объединение считается «асеаноцентричным» (поскольку его идеологическим и техническим драйвером выступает Ассоциация стран Юго-Восточной Азии), ясно, что основную роль в нём будет играть Китай.

Учитывая свой фактический и желаемый международный статус, Россия также включилась в конструирование региона, продвигая проект «Большой Евразии». В настоящее время, как и многие другие проекты, «Большая Евразия» скорее постулирует общие принципы, нежели предлагает конкретное видение трансрегиональной интеграции. Однако ясно, что для того, чтобы создавать правила игры, а не просто принимать чужие правила, России необходимо более активное участие в процессе регионостроительства. Кроме того, проект «Большой Евразии» действительно инклюзивен по своей сути, а это означает, что он может стать объединяющим для формирования большого трансрегионального пространства.

Как мы показали, в АТР реализуются трансрегиональные проекты, основанные на национальных и региональных предпочтениях государств-участников, а также на традиционных противоречиях и идеологической конкуренции по поводу будущих треков национального, регионального и глобального развития.

Этот пример показывает, что решение вопроса о соотношении трансрегионализма с глобализацией имеет не только теоретическое, но также важное политическое и практическое значение. С одной стороны, трансрегионализм мог бы стать аргументом в руках сторонников глобализации в их споре с адептами регионализации о том, что трансрегионализм демонстрирует следующую за регионализмом стадию институционализированного взаимодействия на более высоком уровне, а соответственно, свидетельствует и о том, что регионализация не противоречит логике глобализации. С другой стороны, трансрегионализм может рассматриваться не только как инструмент влиятельных держав по установлению нового вида контроля над масштабными пространствами, но и как процесс, формирующий новые линии размежевания по политическому, экономическому и идеологическому принципу. Представляется, что и первый, и второй ответ были бы слишком простыми в попытке объяснить влияние данного феномена на мирополитическое развитие.

В зарождении и развитии данной проблематики действительно можно усмотреть усиление «регионального» в международных отношениях. В отличие от «старой» дискуссии о глобализации и регионализации, в данном случае речь

³ ASEAN и партнёры подписали соглашение о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли. ТАСС., 15.11.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10005211> (дата обращения: 17.10.2021)

идёт о формировании функциональных регионов, о том, что путём развития и трансрегиональных сетей глобализация продолжает размывать очертания классической территориальной и иерархической дифференциации мира, характерной для Вестфальской системы (Albert, Buzan, Zürn 2013). Усиление функциональной дифференциации создаёт среду для формирования многоуровневой и сложной системы международных взаимодействий и усложняет сетевой формат глобального управления.

Связь функциональной природы трансрегионализма с его региональными характеристиками может варьировать от кейса к кейсу. Так, например, БРИКС сформирован *региональными* лидерами (в ряде случаев – глобальными, что не снимает с них и регионального лидерства), объединёнными общими взглядами на пути реформирования, прежде всего, мировой экономической системы. Как и в случае БРИКС, страны МИКТА объединились с целью преодоления региональных ограничителей роста. «Государству-континенту» Бразилии в экономическом и политическом смысле стало «тесно» в региональных границах, для Китая и России участие в трансрегиональных ассоциациях даёт возможность усилить глобальное влияние, ослабив факторы, сдерживающие развитие связей с соседними государствами. Для ЮАР, Индии, Республики Корея, Турции, Индонезии, Мексики или Австралии участие в трансрегиональных объединениях – по сути, единственная возможность быть услышанными в международных организациях и форумах, обеспечить себе причастность к глобальному управлению. ТТИП – это проект консолидации торговых и прочих отношений между макрорегионами – Европой и Северной Америкой. ТТП предлагал связать географические регионы через экономическое и технологическое партнёрство, а «Пояс и путь» – связать отдельные географические регионы на основе китайских интересов. Межрегиональные связи ЕС–АСЕАН и ЕС–Меркосур, по своей сути, есть попытка формирования связей между стянутыми в тех или иных институционализированных и организационных формах региональными странами (Кузнецов 2020: 176).

Однако это не означает, что в результате происходит замена «национального» или «глобального» региональными взаимодействиями: трансрегионализм, через усиление функциональной дифференциации мира, может свидетельствовать лишь о новом этапе глобализации, её адаптации к определённым, в том числе и национальным, особенностям развития. Трансрегионализм, что доказывают приведённые выше примеры, может означать попытку управлять глобализацией в отдельных макро- и трансрегиональных кластерах на основании правил, норм и ценностей, разделяемых отдельными участниками международных отношений.

Как известно, тенденции редко развиваются прямолинейно, и обычно проходят фазы нарастания и фазы откатов (Лебедева 2019). В сложном мире международной анархии, где сосуществуют и взаимодействуют разные типы «современности» – премодерна, модерна и постмодерна, определяющие и характер

международного взаимодействия (Харкевич 2017), глобализация не может протекать лишь в сторону углубления. Становление глобального мира, объединённого общими практиками, нормами и ценностями, не произошло и вряд ли произойдёт. Вместе с тем в последние годы наблюдается усиление контртрендов, то есть возобладала фаза откатов от глобализации, интеграции и демократизации мировой политики, примерами чего являются нарастание изоляционистской политики, в том числе в США, дезинтеграционные процессы (как в Европе, так и в других регионах – в Латинской Америке, на постсоветском пространстве), эрозия многосторонних институтов и распространение практики односторонних действий. Приобретение трансрегионализмом конкурентной природы пришлось именно на данный период. Это позволяет заключить, что инструмент создания трансрегиональных объединений был использован ведущими государствами для усиления конкурентоспособности и влияния в мировой политике.

Однако, как продемонстрировал предыдущий этап развития трансрегионализации, сам феномен, обусловленный содействием глобализации-интеграции-демократизации, скорее является однонаправленным с глобализацией и не ведёт к её «расколу». В данном феномене можно усмотреть лишь адаптивный вариант глобализации, управляемой в различных трансрегиональных пространствах, сформированных функционально – «по интересам» и «по возможностям».

В самой конкуренции трансрегиональных проектов нет политической остроты и несовместимости, свидетельство чему – формирование «перекрёстного трансрегионализма», а также его кооперационных форм (ВРЭП частично решает проблему «миски спагетти» в АТР). Трансрегионализация на современном этапе отражает проблему неприменимости одних и тех же «рецептов» глобальной и интеграционной активности, которые предлагают как лидеры Запада, так и представители незападного мира. Трансрегионализм даёт не только механизм ограничения невыгодных или носящих деструктивный характер эффектов и треков глобализации, но и создаёт условия для генерации собственных моделей развития. На трансрегиональный уровень выносятся, таким образом, наиболее консенсусные, отработанные и доказавшие свою эффективность практики, которые в перспективе имеют потенциал стать глобальными.

Развитие трансрегионализма как относительно нового феномена мировой политики порождает тезисы об «альтернативной глобализации»⁴, хотя речь, вероятно, идёт не об альтернативности объективному мегатренду, а об управлении им и направлении его в конструктивное для того или иного пространства русло, об отборе в трансрегиональных комплексах практик, инструментов и механизмов для последующей реализации глобальной повестки.

⁴ Лисоволик Я. БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? *Валдайские записки*. № 69, 2017. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22124/> (дата обращения: 17.10.2021)

В период пандемии COVID-19 усиливаются дискуссии о постпандемическом мире, сценариях и факторах его развития⁵, обсуждается вопрос о судьбе трансрегиональных проектов и самой глобализации. Но уже очевидно, что пандемия привела лишь к частичной ренационализации мировой политики (Громыко 2020) и относительному закрытию границ. Актуализируется роль высоких технологий и коммуникационных систем, безопасной логистики и т.д. Мировой экономике потребуется задействовать «резервные» механизмы для оживления торговли, поставок, производств, усиления людских потоков и возобновления транспортной активности. Одним из таких инструментов и является трансрегионализм.

Ещё одна, сопряжённая с предыдущей, проблема касается структуры международной системы. В последнее время появляется много работ о вероятном становлении «новой биполярности», которая будет опираться на противостояние Китая и США⁶. В такой дискуссии трансрегионализм можно трактовать как проявление нарастающей конкуренции между двумя полюсами, свидетельство нового блокового противостояния. Однако представляется, что для понимания сущности трансрегионализации лучше всего подходит концепция «мультиплексного мира» (*multiplex world*) (Acharya 2017) известного регионоведа Амитавы Ачарии – мира множества центров силы и влияния, многоакторности, сложной взаимозависимости, многоуровневого управления, в котором сосуществуют разные типы «современности» и конкурирующие модели мироустройства. Концепция трансрегионализма укладывается в такое понимание консолидации полицентричного миропорядка, представляя собой и отдельный уровень связей, и новые центры влияния, и конкуренцию моделей глобального управления (Kharkevich 2016).

Таким образом, трансрегионализация приводит к формированию крупных функциональных объединений разной степени конвергенции, опирающихся на собственные политико-институциональные и/или социально-экономические модели развития и сотрудничества, способных превратиться в центры мировой политики, выступающие в качестве относительно интегрированных элементов многоуровневой сети глобального управления и принимающие по отношению друг к другу как кооперационный, так и конкурирующий характер. В случае преобладания конкуренции в больших трансрегиональных кластерах может проявиться временный негативный эффект на развитие макрорегиона-

⁵ Торкунов А.В. Есть четыре сценария развития событий после пандемии. ТАСС. 19.05.2020. URL: <https://tass.ru/interviews/8503897> (дата обращения: 17.10.2021); Лукьянов Ф. Мир после пандемии: всё меняется, но ничего нового. Российский совет по международным делам. 28.06.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mir-posle-pandemii-vsye-menyetsya-no-nichego-novogo/> (дата обращения: 17.10.2021)

⁶ Дегтерев Д. Многополярность или «новая биполярность»? Российский совет по международным делам. 16.01.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (дата обращения: 17.10.2021)

лизации, может формироваться конкурентная среда, снижающая глобализационную активность. Но в долгосрочной перспективе трансрегионализм лишь адаптирует глобализацию к отдельным регионам, отработывая наиболее конкурентоспособные практики международного взаимодействия, регионального и глобального управления, дальнейшие треки глобализации. Трансрегионализация заключается в распространении практики формирования функциональных регионов и связывании функциональных и географических характеристик региона. Данный процесс исторически стал возможен в результате одновременного усиления трендов глобализации, интеграции и демократизации, в последующем оказывая поддерживающий характер для данных мегатрендов даже в периоды их ослабления. Усложняющаяся трансрегиональная архитектура закрепляет условия для роста и консолидации новых региональных и глобальных государств-лидеров, усиливая полицентричный характер международной системы.

Об авторе:

Денис Андреевич Кузнецов – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры мировых политических процессов, сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Россия, Москва, Проспект Вернадского 76.
E-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31168 «Глобализация и деглобализация (изоляциялизм) как два вектора политического развития мира»

UDC: 327
Received: January 30, 2021
Accepted: September 15, 2021

Transregionalization in the Context of Globalization

D.A. Kuznetsov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-5-80-65-80](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-65-80)

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)

Abstract: Transregionalization has already become a powerful trend in world politics. States and regional associations employ transregional initiatives to realize their own and collective interests. This new level of international interaction embraces a wide range of actors and fosters interconnectedness based on geographical proximity but shared functional preferences. Given the opposition between isolationism and disintegration, there is a problem of the relation between transregionalization and globalization. If the processes are unidirectional, then transregionalization is a stage of globalization. If they contradict each other, transregionalization facilitates the creation of new dividing lines.

Considering several cases of megaprojects, especially in the Asia-Pacific, the article substantiates the typology of transregionalization, emphasizing its cooperative (inclusive and aimed at global integration) and competitive form (mostly exclusive and impossible to converge with other projects). The author stresses that strengthening functional ties makes transregionalization an adaptive version of globalization driven by common interests and shared views of future global development paths. Intensification of transregional relations is likely to stimulate globalization and integration practices and the participation of state and non-state actors in global governance.

In today's world politics, transregionalization exists mainly in the form of projects and initiatives. This signifies both difficulties in reaching consensus on further cooperation and conservative states' policy towards participating in such large-scale associations. However, the very emergence of transregional associations with varying degrees of convergence and institutionalization, promoting specific institutional and economic development and cooperation patterns, strengthens multipolarity of the international system.

Keywords: transregionalism, globalization, regionalization, isolationism, international relations, megatrends

About the author:

Denis A. Kuznetsov – Candidate of Political Science, Senior Lecturer at the Department for World Politics, Researcher at the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Pr. Vernadskogo 76, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The article was prepared within the framework of the project "Globalization and deglobalization (isolationism) as two vectors of the political development of the world", RFBR and EISR grant № 20-011-31168.

References:

- Acharya. A. 2017. After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order. *Ethics & International Affairs*. №3. P. 271-228. DOI: 10.1017/S089267941700020X
- Albert M., Buzan B., Zürn M. 2013. Introduction: Differentiation Theory and International Relations. *Bringing Sociology to International Relations: World Politics as Differentiation Theory*. Ed. by Mathias Albert, Barry Buzan and Michael Zürn. Cambridge University Press. P. 1-24.
- Baldwin R.R., Jaimovich D. 2008. Are Free Trade Agreements Contagious? *NBER Working Paper*. №16084. P. 1-16.
- Börzel T., Risse T. (eds). 2016. *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press. 677 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199682300.001.0001
- Hamilton D.S. 2014. America's Mega-Regional Trade Diplomacy: Comparing TPP and TTIP. *The International Spectator*. 49(1). P. 81-97. DOI: 10.1080/03932729.2014.877223
- Kharkevich M.V. 2016. The Critical Experience of Russia in Global Governance. *Russian Politics and Law*. 54(5-6). P. 461-476. DOI: 10.1080/10611940.2016.1296307
- Majluf L.A. 2004. Swimming in the Spaghetti Bowl: Challenges for Developing Countries under the "New Regionalism". *Policy Issues in International Trade and Commodities*, Study Series. №27. UNCTAD: New York. 34 p.
- Mattheis F., Litsegård A. 2018. *Interregionalism across the Atlantic Space*. United Nations University Series on Regionalism. Springer International Publishing. 186 p.
- Rajasree K.R. 2015. The Evolution of Transregional Cooperation: A Case Study of Indian Ocean Rim Association for Regional Cooperation (IOR-ARC). *Online International Interdisciplinary Research Journal*. №5. P. 287-299.
- Roloff R. 2001. *Europa, Amerika und Asien zwischen Globalisierung und Regionalisierung: das Interregionale Konzert und die Ökonomische Dimension Internationaler Politik*. Paderborn: München. 359 p.
- Sangeeta K. 2015. *The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) Negotiations between the EU and the USA. Caught between Myth and Reality?* CIDOB, Barcelona. 212 p.
- Tso C. 2016. China's About-face to the TPP: Economic and Security Accounts Compared. *Journal of Contemporary China*. №25. P. 613-627. DOI: 10.1080/10670564.2015.1132960
- Voskressenski A.D. 2017. *Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World-Regional Studies*. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan. 271 p.
- Voskressenski A.D., Koller B. (ed). 2019. *The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia*. London – New York, Lexington Books. 242 p.
- Braterskii M.V. 2016. Novaia mnogopoliarnost': torgovlia i finansy v XXI veke [New Multipolarity: Trade and Finance in the 21 Century]. *Aktual'nye problemy Evropy*. №1. P. 81-95. (In Russian)
- Gromyko A. 2020. Koronavirus kak faktor mirovoi politiki [Coronavirus as a Factor in World Politics]. *Nauchno-analiticheskii vestnik instituta Evropy RAN*. 2(14). P. 4-12. (In Russian)
- Kharkevich M.V. 2017. Regional'noe upravlenie: opyt postroeniia mnogourovnevoi modeli sravnitel'nogo regionalizma [Regional Governance: Experience of Building a Multilevel Model of Comparative Regionalism]. *Politiia*. 2(85). P. 129-145. (In Russian)
- Kheifets B. 2016. Transregionalizatsiia global'nogo ekonomicheskogo prostranstva [Transregionalization of the Global Economic Space]. *Obshchestvo i ekonomika*. №6. P. 19-43. (In Russian)

Kireeva A.A. 2018. «Initsiativa poiasa i puti»: sodержanie, tseli, znachenie [“Belt and Road Initiative”: Content, Goals, Meaning]. *Comparative Politics Russia*. 9(3). P. 61-74. (In Russian) DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-61-74

Korolev A.S., Shumkova V.A. 2018. Politicheskie instituty Bol'shoi Evrazii: vyvody dlia Rossii [Political Institutions of Greater Eurasia: Conclusions for Russia]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*. 13(3). P. 70-81. (In Russian) DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-04

Kuznetsov D.A. 2020. *Fenomen mezhdunarodnogo transregionalizma i ego vliianie na sovremennye miropoliticheskie protsessy* [The Phenomenon of International Transregionalism and Its Impact on Modern World Political Processes]. Ph.D. diss. Moscow: MGIMO University. 217 p. (In Russian)

Lebedeva M. 2019. Sovremennye megatrendy mirovoi politiki [Modern Megatrends in World Politics]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. №9. P. 29-37. (In Russian) DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37

Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A. 2019. Transregionalizm – novyi fenomen mirovoi politiki [Transregionalism as a New Phenomenon of World Politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. №5. P. 71-84. (In Russian) DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06

Luzianin S.G., Afonasa'eva A.V. 2017. Odin poias, odin put' – politicheskie i ekonomicheskie izmereniia [One Belt, One Road - Political and Economic Dimensions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*. №40. P. 5-14. (In Russian) DOI: 10.17223/19988648/40/1

Voskressenski A.D. 2018. Novye tikhookeanskie strategii: vozmozhnost' ili real'nost'? Vliianie «kitaiskogo faktora» na obstanovku v Evrazii i Aziatsko-Tikhookeanskom regione [New Pacific Strategies: Opportunity or Reality? The Influence of the “Chinese Factor” on the Situation in Eurasia and the Asia-Pacific Region]. *Comparative Politics Russia*. 9(3). P. 128-145. (In Russian) DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-128-145

Литература на русском языке:

Братерский М.В. 2016. Новая многополярность: торговля и финансы в XXI веке. *Актуальные проблемы Европы*. №1. С. 81-95.

Воскресенский А.Д. 2018. Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? Влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. *Сравнительная политика*. 9(3). С. 128-145. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-128-145

Громько А. 2020. Коронавирус как фактор мировой политики. *Научно-аналитический вестник института Европы РАН*. 2(14). С. 4-12.

Киреева А.А. 2018. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели, значение. *Сравнительная политика*. 9(3). С. 61-74. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-61-74

Королев А.С., Шумкова В.А. 2018. Политические институты Большой Евразии: выводы для России. *Вестник международных организаций*. 13(3). С. 70-81. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-04

Кузнецов Д.А. 2020. *Феномен международного трансрегионализма и его влияние на современные мирополитические процессы*. Дисс. канд. полит. наук. Москва, МГИМО МИД России. 217 с.

Лебедева М. 2019. Современные мегатренды мировой политики. *Мировая экономика и международные отношения*. №9. С. 29-37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37

Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. 2019. Трансрегионализм – новый феномен мировой политики. *Полис. Политические исследования*. №5. С. 71-84. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06

Лузянин С.Г., Афонасьева А.В. 2017. Один пояс, один путь – политические и экономические измерения. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. №40. С. 5-14. DOI: 10.17223/19988648/40/1

Харкевич М.В. 2017. Региональное управление: опыт построения многоуровневой модели сравнительного регионализма. *Полития*. 2(85). С. 129-145.

Хейфец Б. 2016. Трансрегионализация глобального экономического пространства. *Общество и экономика*. №6. С. 19-43.